

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Центурион</i>	6
<i>Дворец Флавиев</i>	43
<i>Дорога в Равенну</i>	62
<i>Шпион Весты</i>	159
<i>Даки</i>	166
<i>Весталка</i>	204
<i>Славянский архонт</i>	219
<i>Сармизегетуза</i>	227
<i>Разгром</i>	298
<i>Золото даков</i>	398
<i>Триумф Домициана</i>	431
<i>Земляной храм</i>	460
<i>Смерть Цезаря</i>	469
<i>Послесловие</i>	477

Предисловие

Я Гай Флавий Веспасиан. Я центурион Великой Римской империи, которой сейчас правит мой сводный брат Тит Флавий Домициан, но я не могу открыть ему тайну своего происхождения, иначе преторианская гвардия убьет меня по его приказу, даже не задумываясь. Моему братцу не нужны конкуренты. Впрочем, мне, сыну простой римлянки, не стоит корить судьбу. Юпитер и так ко мне слишком благосклонен. Вместо нищего прозябания в мрачных кварталах Субуры, я сумел устроиться на службу центурионом в V легион Жаворонков по протекции ухажера моей матери знатного патриция Марка Ливия Солона. Сейчас наш легион отправляется в Дакию на войну с кровожадным царем даков Децебалом.

Центурион

Бычий форум в районе трех холмов летом 86 г. н. э. просто пестрил разноцветными одеждами многочисленных торговцев, стекающихся на рынок с самого утра. Дивные, а местами и раздражающие нос ароматы восточных пряностей буквально со всех сторон впитывались в мою туннику. В самом углу рынка, у статуи Минервы Всепрощающей стояла небольшая, но не типичная по размерам клетка для хищных кошек. Сверху на клетку была накинута широкая темная материя, защищавшая животное внутри от лучей палящего Италийского солнца.

Темноволосый мужчина в греческой короткой тунике с ожесточением бил своей палкой по железным прутьям клетки.

— Зверюга! — вопил он, не переставая. — Ты просто обязан укусить меня разок.

В ответ на его потуги животное никак не хотело кидаться на прутья клетки, а металось по углам, чем вызывало у дразнящего его вспышки короткой ярости.

Такая необычная и редкая сцена на рынке тут же заинтересовала меня. Поправив ремень, я размеренным шагом скучающего от жизни человека направился в сторону клетки. Мужчина меж тем оставался у прутьев, пытаясь разозлить своего зверя. Он с усердием грека-театрала строил ему злые рожи и просовывал палку меж прутьев, пытаясь вызвать у животного слепую ярость.

— Почему этот тигр еще не в Колизее? — отрешенно поинтересовался я.

Мужчина вытянул палку из клетки и повернулся ко мне. Его лицо приняло довольно кислое выражение, означающее полное разочарование от жизни в столице империи.

— Я хозяин этой зверюги, господин. Клянусь всеми Богами Рима, я бы дорого дал, если бы этот тигр имел хоть чуточку храбрости, достойной остальных его сородичей. Но увы, господин, — продолжил жаловаться мне хозяин тигра. — Это животное трусливо, и распорядитель игр велел мне убираться вместе со своей кошкой куда подальше.

Я понимающе кивнул. Этого торговца хищными животными было и впрямь жаль. Сколько времени и сил, а главное средств ему стоило доставить животное в Рим.

— И что же, ты хочешь просто продать его на рынке, словно курицу? — поинтересовался я, глядя на грандиозную кошку, прижавшуюся к прутьям в дальнем углу клетки.

— Хорошо бы так, господин! — вдруг оживился торговец. — Но кому он такой нужен. Его дух сломлен. — Торговец вновь сник.

— Так убей его, а шкуру продай, — с некоторой усмешкой предложил я. — Иных вариантов у тебя нет.

Торговец, окинув меня с ног до головы и заметив на моем поясе кинжал, лукаво прищурился, что-то прикидывая своим хитрым умишкой. Наконец взвесив все за и против, он нагло заявил:

— Не сочтешь ли ты за труд взять на себя эту проблему? Деньги пополам.

Я весело рассмеялся, что несколько сконфузило этого торговца.

— Что смешного в моем предложении, господин? Судя по кинжалу на твоём поясе и походке: ты легионер. А кому, как не легионеру, каждый раз смотрящему смерти в глаза, по плечу такое дело.

— Да, я военный, — весело ответил я. — Но совсем не легионер, а центурион.

Услышав мое звание, торговец тут же в почтении склонил голову.

— Я не зря назвал тебя господином, — довольно пролепетал он. — А ведь я еще не знал твоего звания. — Я кивнул в ответ. — Это добрый знак, господин, — процедил торговец. — Прошу простить, что ошибался, предлагая тебе взяться за это дело.

Торговец был обескуражен и немного смущен возникшим неловким положением.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Эпикл, господин, — уныло ответил торговец. — Я грек и я торговец животными для амфитеатра императора.

— Пожалуй, это так, — согласился я с ним. — По твоему поведению с тигром это заметно. Так что не так с ним? — с интересом поинтересовался я.

— Отец, — ладонь девушки коснулась плеча торговца. — Ты все же опоздал на обед.

Торговец перехватил руку девушки и, выставив дочь впереди себя, заискивающе пролепетал:

— Позвольте, господин, представить мою дочь. — Девушка тут же смутилась, не ожидая такого бесцеремонного поступка от своего отца. — Ее зовут Ликея и, клянусь Зевсом, вряд ли вы встретите девушку столь же добродетельную и чистую.

Мне тоже стало неловко от такой ситуации. Но пронырливый торговец выставлял дочь передо мной на торги так же бесстыдно, как и свою трусливую кошку. Что же, возможно, этот грек имеет на то причины.

Мне нужно было уходить. Времени на шатания по Риму не было. У стен виллы сенатора Илиана меня ждала моя новая центурия, командование над которой мне вручили с приказом только вчера. Но навязчивый грек не хотел просто так отпускать меня, посчитав, что его прекрасная дочь будет хорошей приманкой для знакомства с важным человеком. Грек скорчил кислую мину и с напущенным сожалением произнес:

— Жаль, господин, что вы торопитесь. Сегодня вечером я устраиваю ужин для своих соотечественников из

Греции. Если вы найдете пару свободных часов, чтобы посетить мой скромный дом, то я и моя дочь будем вам очень признательны.

Я еще раз окинул взглядом прекрасную гречанку, попытавшуюся укрыться от моих глаз за спиной отца, и прикинул, во что мне может обойтись новое приключение. Девушка была действительно красива и грациозна. Удивительно, как она еще не оказалась в лапах какого-нибудь римского патриция. В самых лучших лупанариях города такие женщины стоят недешево и по карману только богачам. Я же простой римский центурион, через неделю убывающий со своей когортой в пополнение V легиона Жаворонков, вставшего сейчас лагерем в Римской провинции Мёзия. После того, как легион будет полностью укомплектован, мы вступим в земли даков. Кровожадных дикарей, решивших, что Рим слишком далеко от них.

«Впрочем, пару часов, как утверждает этот торговец, я, пожалуй, найду этим вечером», — усмехнулся я про себя.

Тем более грек живет не в самом бедном квартале Рима, откуда постоянно исходит угроза быть ограбленным и зарезанным в темных закоулках.

Я вспомнил, как однажды мне пришлось быстро унести ноги из Субуры, охваченной вечерними беспорядками. Лавки торговцев подверглись безжалостным грабежам со стороны шаек разбойников, в одно мгновение наводнивших охваченный пламенем квартал. Меня спасло лишь то, что я редко расставался со своим оружием, даже во время отдыха и развлечений. Грабитель, что зажал меня на узкой улице, был не слишком расторопным и не знал, что сейчас он имеет дело с профессиональным солдатом. Он сумел понять это, когда мой кинжал вспорол ему брюхо, освобождая место от кишок, которые тут же выпали наружу. Подхватив их руками, он повалился на грязный тротуар, не знавший метлы дворника. Что ж, это было бы для него уроком, если бы он спустя минуту со стоном не испустил дух. На улицу, где мне к несчастью удалось оказаться, вскоре зашла манипула легионеров. Это была часть из когорты городской стражи, которую префект ввел в охваченный беспорядками район.

Легионеры, сомкнув плотно щиты, продвигались вперед, оставляя за собой окровавленные тела разбойников и насильников. Как я позже узнал, некоторые лупанарии не досчитались своих работниц. Их изнасилованные и обезображенные тела позже нашли на берегу Тибра.

Мимо рядов проследовала группа легионеров в полном походном вооружении, звеня начищенными до блеска доспехами. Глядя на солдатскую выправку и отточенный дальними маршами шаг, грек тяжело вздохнул и закатил глаза. Мне стало очевидно, что этого торговца Эпикла кто-то шантажирует, и ему требуется защита. Ликейя меж тем выскользнула из рук отца и, смущенно улынувшись на прощание, исчезла в дальних рядах рынка.

— Хорошо, — ответил я Эпиклу. — Возможно, освободившись от служебных дел, я буду на твоём приеме.

Лицо грека сразу осветила улыбка.

— Господин центурион не пожалеет о посещении моего дома! — услужливо залепетал он.

Для меня не составляло трудности посетить дом этого торговца, поручив заботу о вверенной мне центурии моему опциону Марку. Марк уже давно находился при службе. Еще со времени брата нынешнего императора Домициана: Тита Флавия. Из простых легионеров Марк был назначен опционом, по ходатайству бывшего трибуна V легиона. Он скрупулезен, трудолюбив и в меру жесток, как и все римские опционы.

Нет, опцион Марк Порций не гнобил новобранцев, как и не давал слишком расслабляться ветеранам. Близость Рима предоставляла солдатам десятки соблазнов от дешевых проституток до кувшинов с вином, предлагаемых заезжими купцами.

Наша когорта еще не набрала свой полный состав. Нам не хватало двадцати новобранцев, и мы развернули походный пункт приема в легионеры прямо у стен виллы. На полях трудилось множество крепких рабов, которые вполне могли бы послужить Риму. Хозяин виллы, сенатор, наверняка был доволен их усердием, но по сложившейся традиции рабы не могли записаться в армию. Это мог сделать

только свободный человек, не важно, из какого сословия он происходил. Потому вновь прибывших на вербовочный пункт добровольцев опцион Марк самолично осматривал на наличие рабского клейма. Двоих хитрецов он уже заковал в кандалы и первой же повозкой под охраной отправил их прежним хозяевам.

Прибыв в наш маленький лагерь, состоявший сейчас всего из десяти палаток, я спешно осведомился у Марка о положении дел в лагере, сколько еще осталось набрать новобранцев, и отправил посыльного на виллу к сенатору. Сенатор взял шефство над нашей центурией, снабжая нас зерном и маслом, а также позволяя охотиться в принадлежащей ему роще, где во множестве водились фазаны и перепелки.

После полного формирования наша центурия убывала в Равенну, откуда, соединившись с другими подразделениями, садилась на корабли и отбывала в Мёзию, перед этим мне хотелось навестить дочь управляющего усадьбой Юлию. Сам управляющий Менакс уже довольно давно был свободным человеком, хотя и не получил римского гражданства по ряду причин.

Юлия же была рождена свободной и имела римское гражданство, конечно, не без помощи сенатора. Изначально я подозревал, что при ее красоте и изяществе тела ей приходится делить ложе с сенатором, но позже узнал, что у сенатора есть любовница в самом Риме из знатных патрицианских семей. Сын сенатора находился в действующей армии в той самой Мёзии, следовательно, никто бы не посмел лишить невинности дочь самого управляющего. А сам Рим Юлия не посещала, предпочитая проводить время в затворничестве в утопающем в зелени поместье своего отца.

Я постучал в ворота поместья сразу после полудня. Солнце сверху нещадно палило, и рабы, работавшие в поле, укрылись от него в наскоро сооруженных соломенных шалашах. Сейчас же они тайком выглядывали наружу, наблюдая за мной, хотя нужды в этом никакой не испытывали. Привратник не сразу открыл мне деревянную калитку

в воротах. Первоначально он отодвинул деревянную пластинку, прикрывавшую щель в калитке. Увидев шлем центуриона, привратник издал многозначительный вздох и тут же принялся возиться с запором, который почему-то не хотел открываться.

— Смазывать маслом надо! — выругался я на привратника. — Седину нарастил, а не знаешь, как с запорами управляться, — сопроводил я свое ожидание у калитки.

Привратник нудно запричитал:

— На прошлой неделе смазывали, господин, видимо на солнце масло высохло.

— Поторапливайся, болван! — прикрикнул я на него. — У меня слишком мало времени.

Наконец привратник закончил возиться с запором и открыл его. Распахнув настежь калитку, привратник виновато склонил голову и принялся что-то шептать про себя. Наверняка он молился своим варварским богам, чтобы я не пожаловался сенатору на его медлительность. Мне не было нужды обречь этого раба-старца на порку. Хотя сам сенатор их порол и, видимо, весьма недурно. В дальнем углу у стены стояли два столба с болтающимися веревками, которыми вероятно и связывали рабов перед поркой.

Я вошел на территорию поместья. В отличие от расположения моего лагеря, в поместье было прохладно. Высокие зеленые кусты затеняли пространство перед домом и уводили по дорожке куда-то вдаль. Меж их веток были едва заметны белые мраморные скульптуры и слышался шум падающей сверху воды. В римских поместьях каждый хозяин по возможности строил водопад и пруд вокруг него для приятного вечернего времяпровождения в компании домашних, гостей и проезжих актеров.

На входе в атриум меня встретили слуги и сразу предложили бокал фалернского вина и прохладную ванну, чтобы освежиться и смыть с себя дорожный пот. Я вежливо отказался и от вина, и от ванны, сославшись на нехватку времени по долгу службы. Тогда слуги напрямую спросили у меня, с чем связан мой визит в поместье, ведь сам сенатор был в отъезде, а вести некоторые дела управляющий

поместьем был не уполномочен. Что же, я был готов к такому результату и безотлагательно сообщил слугам, что хотел бы увидеть дочь управляющего Юлию. Но, как оказалось, она тоже была в отъезде, но не с сенатором, а со своим родственником. Раздосадованный сложившимися обстоятельствами, я покинул поместье и отправился в расположение нашей центурии. Очевидно, что вечер мне придется провести в компании опциона и кувшина фалернского.

Тем временем в наш лагерь прибыл гонец из легиона и сообщил, что легат прислал мне письмо, которое я должен прочесть незамедлительно. Достав из кожаного мешка восковую табличку, я узнал твердый почерк трибуна нашего легиона, в послании он сообщал мне, что легат приказал не позднее завтрашнего дня выдвинуться на север по дороге, где, соединившись со II Громогласной когортой под началом старшего центуриона Фирия Проба, я должен прибыть в порт Равенны независимо от наличия новобранцев. Оставшихся наберем на месте. Подпись: трибун Публий Плавдий.

«Хорошенькое дельце», — невесело поразмыслил я. В моей центурии не хватало восьмого десятка солдат. Кого я там в Равенне, в этом портовом городе империи смогу набрать, разве, что бывших матросов? Молокососов с рыбачьих лодок, знавших только как управляться с веслом и ни разу не видевших гладиуса, не говоря о том, как нужно метать пилум. Но приказ есть приказ, и он отдан. Я позвал опциона Марка в свою палатку. Марк зашел, морща нос от запахов, преследовавших его.

— Опять эти негодяи приволокли какую-то тухлятину! — недовольно проворчал он. — Денег я им дал достаточно. Неужели не хватило ума выбрать мясо посвежее.

— Садись Марк, — пригласил я его за стол, стоявший в самом центре моей палатки.

Марк вытер свой раздраженный нос и медленно сел на стул.

— Я сегодня получил письмо от нашего трибуна, — оповестил я Марка.

Бросив восковую табличку на стол, я стал следить за реакцией опциона. Опцион первоначально удивленно

разглядывал ее, но в руки брать не решался. Затем Марк подозрительно перевел взгляд на меня.

— И что в ней? — осторожно поинтересовался он.

Я развязал шейный платок, который еще не успел снять после прихода в лагерь, и недовольно пробурчал:

— Мы снимаемся и следуем в Равенну.

Марк на мгновение застыл, переваривая услышанное.

— Но, командир, мы еще не набрали полный состав в центурию! — недовольно возразил он.

Мне нечем было возразить ему, кроме как напомнить, что это приказ, который написан на этой самой доске, что лежит у него перед носом.

— Это приказ, Марк, — повторил я.

Марк вскочил со стула и отсалютовал.

— Будет сделано, центурион. Когда мы выступаем?

Я провел ладонью по шее. От пота она была такой же мокрой, что и платок, который я недавно снял.

— Выступаем завтра утром, Марк. Пока солнце не взошло. Так легионерам будет легче идти, а в полдень устроим привал где-нибудь в лесочке.

— Хорошо, — опцион Марк, словно ужаленный пчелой, выскочил из моей палатки, а через минуту по лагерю разнесся его громогласный крик: — Центурия, становись. Оружие к осмотру.

В лагере раздался рев сигнальной буцины. Не ожидал от Марка такой прыти в выполнении команд. Впрочем, сейчас это было не так важно.

Я махнул рукой. За выступление маршем центурии можно не беспокоиться, Марк все сделает, как надо. Меня угнетало лишь одно обстоятельство, что придется отбыть на войну, так и не зарывшись лицом в мягкую грудь дочери управляющего поместьем. А распивать фалернское вино в компании своего опциона мне не очень-то хотелось. Как опцион, Марк Порций был отменный солдат, но как собутельник совершенно никакой. Его постоянный нудёж о задержке императором жалования просто выводил меня из себя. Хотя нужно признаться, в этом он был прав. Спать же в своей палатке одному тоже желания не было. К тому же

на город опустилась такая жесточайшая жара, что вино, ненадолго оставленное снаружи, тут же превращалось в уксус. А уксус, как вы понимаете, не будет пить даже самый прокаженный нищий, ползающий на ступенях Палатина.

Я приказал Марку выдать legionерам по чарке вина из наших с ним запасов. Хорошее римское или греческое вино солдаты уже не скоро увидят. За пределами Италии вино было похоже на укусное пойло, от которого мутило и выворачивало желудок. Дикари, несмотря на все просвещение Рима, так и не научились делать хорошее вино, к тому же некоторые сорта винограда произрастали только в Италии и нечего было ожидать хорошего вина в краях варваров.

Неожиданно в мою голову влез тот несчастный грек, выставлявший свою красавицу дочь напоказ. Кажется, у него сегодня состоится какая-то пирушка, где будут присутствовать его земляки, такие же грязные торговцы, не знакомые с честью и доблестью римского солдата. Хотя нужно признать, что дочь этого торговца хороша собой и было бы жаль упускать такую канарейку перед долгим воздержанием. У меня потянуло вниз. «Если ехать, то сейчас, к закату успею вернуться в расположение», — успокоил я себя.

Меня не могло не радовать, что дом торговца Эпикла находился на Авентине, одном из семи холмов Рима, и мне не придется миновать вечно кишашую всяким сбродом Субуру. Лавки и дома торговцев на Авентине находились на южном склоне холма, притыкаясь друг к другу, словно гроздь винограда, щедро усыпавшие подножие Везувия. На вершине Авентина находились усадьбы сенаторов и трибунов, окруженные высокими каменными заборами и утопающие в тени зелени. Пройдя по Аппиевой дороге мимо гробниц великих людей Рима, я встретился с молчаливо-угрюмой крепостной стеной Сервия. Местами кладка в ней уже развалилась, и сияющие черные провалы навели на мысли о положении дел в империи Домициана. Магистрат Рима всегда оставлял ремонт южной стороны стены на лучшие времена. Риму уже более двух столетий не угрожала опасность с юга. Воспоминания о Ганнибале,

как и о ордах раба Спартака канули в лету. Легионеры у Капенских ворот, завидев одинокого путника, тут же отложили кости в сторону и подняли щиты.

— Центурион! — легионеры лихо отсалютовали, и их лица вновь превратились в каменные изваяния.

Я зажмурил нос от вони, исходящей неподалеку от ворот.

— Еще ночью предыдущий караул убил не то лазутчика, не то просто вора, — пожаловался мне старший легионер. — Обещали прислать повозку и вывезти тело, выбросить в Большую клоаку, но до сих пор их нет.

Я сочувственно кивнул ему головой.

— Проклятые лентяи! — продолжал изливать свое негодование легионер. — Эта вонь сводит нас с ума. — Он сплюнул на песок и оправился на пост к своим товарищам.

Дело, и впрямь, было дрянь. Обычно магистрат после получения сообщения о трупе сразу присылал повозку с двумя волами и двух рабов в сопровождение. Но сегодня был выходной, и вряд ли магистрат или даже префект, если до него, конечно, это дойдет, озаботится наведением порядка. Скорее всего, многие из тех, кто причастен к уборке улиц, уже раскисли от вина на жарком солнце и вовсе не собираются что-либо делать. Вечер выдался слишком жаркий. Зной качал воздух, словно лодку на волнах. В некоторых местах к камням стены Сервия было невозможно прикоснуться. Даже завсегдатаи дряхлой стены — шустрые зеленые ящерики — предпочитали скрыться в глубоких трещинах. Город погрузился в сладкую вечернюю истому. В такую жару хорошо сидеть с бокалом холодного пива где-нибудь в тени виноградников и слушать, как слуги, весело смеясь, бегают по саду или играют грустную мелодию на арфе. Прохлада в Рим придет ночью с холодным ветром со стороны Остийского порта.

Над жалкими лачугами бедняков с черепичными крышами, облепившими каменную мостовую, проглядывала мрачная громадина Большого цирка. После постройки Веспасианом амфитеатра Флавиев жизнь в нем ненадолго затихла. Император же Флавий Домициан больше уделял

внимание своему любимому детищу, чем Большому цирку. Гонки на колесницах в цирке всегда собирали огромное количество народа, будучи самым любимым развлечением толпы. Новый же амфитеатр Флавиев подарил толпе смерть на более обширных масштабах, чем ранее.

В новом амфитеатре, так же, как и на скачках в большом цирке, можно было поставить на одного гладиатора или же на целую команду гладиаторов, которая выставлялась против другой команды или же диких зверей. Размеры и суммы ставок впечатляли. Удачная ставка, вполне могла сделать гражданина Рима богачом, а могла и просто разорить его, что, впрочем, было в Риме обыденностью. На гладиаторских сражениях частенько присутствовал и сам император, сопровождаемый грозной преторианской гвардией и некоторыми приближенными к цезарю сенаторами. Толпа, с вожделием затаив дыхание, ожидала личного решения императора о участии на арене того или иного несчастного. Раскаленные от солнца стены амфитеатра зачастую становились местом для заключения сделок, тут же договаривались о браках, и торговали приготовленной домашней едой. Домициан повернул течение жизни в Риме из Большого цирка к амфитеатру Флавиев.

У храма Минервы Афинской на ступенях столпилась небольшая толпа нищих и плебса, жадно ловящая взглядами движения толстого лысого мужчины в белой тоге со свитком в руках. Чуть поодаль от плебса стояло отделение легионеров, пристально наблюдающих за речью сенатора. Легионеры скептически фыркали, выслушивая торжественную речь этого представителя нобелитета, понимая, что кроется за ней лишь лукавство, а то и вовсе подлый обман и желание угодить Домициану.

— Граждане Рима! — торжественно провозгласил мужчина. — Наш император торжественно объявил набор в новый легион. Всем поступающим на службу будет выплачено месячное жалование и выдано полагаемое легионеру обмундирование. После окончания службы, все, кто вернется в Рим, получают земельные участки и пенсию до конца жизни.

Толпа восторженно взревела, но, услышав, что вновь формируемый легион отправляется в самое пекло, тут же стихла.

«Знакомая песня, — довольно усмехнулся я. — Император сейчас готов обещать, что угодно, чтобы набрать новые легионы для кампании в Дакии».

* * *

Дорога на холм Авентин была вымощена ровным мелким булыжником, отчего я без затруднений поднялся вверх. На севере от меня чернели многоэтажные инсулы с крохотными комнатами, сдаваемыми внаем плебсу. Вечер раскрасил окна инсул черными провалами. Сейчас они были больше похожи на голые стволы деревьев после пожара, чем на жилища. Ночь еще не полностью спустилась на район Субуры, оттого она не казалась такой мрачной, какой станет после того, как на ее улицы опустится ночной сумрак и в темных переулках скользнут тени хозяев ночи.

Я тяжело вздохнул, сетуя на то, что в моем благословенном Богами городе еще остались такие страшные места, и прибавил шаг. Дома богатых граждан и нобелей на Авентине были ограждены высокими стенами из розового тесаного камня, за которыми виднелись зеленые кроны фруктовых деревьев и слышался веселый женский смех. Проходя мимо этого сосредоточения роскоши и власти, я замечал скользившие по мне взгляды из маленьких деревянных калиток в стенах. Со мной рядом незримо присутствовали скрытые наблюдатели. В домах особо богатых граждан, что имели право присутствовать на заседаниях в сенате, имелись свои отряды самообороны, состоящие из отставных легионеров и вооруженных вольнонаемных. Некоторые такие жилища с крепкими стенами могли выдержать однодневную осаду силами целой когорты. К счастью для обитателей этих домов, в этом не было необходимости. На Авентине постоянно дежурила особая когорта городской стражи. Богатые граждане помнили те времена, когда Рим погружался в хаос в результате гражданской войны, и предпочитали не экономить на охране своих жизней и имущества.